

Текст · 6 октября 2020, 21:01

Сергей Смирнов,

«Был самолет, и в нем я помер». Интервью Алексея Навального

После выписки из клиники *Charite* Алексей Навальный встретился с главредом «Медиазоны» Сергеем Смирновым в лесу на окраине Берлина, а брат политика Олег Навальный нарисовал иллюстрации к их разговору о «Новичке», Светлане Тихановской, Хабаровске, умном голосовании, Троцком и сложностях с желудками.

— Ты сам пишешь сейчас^[1] с айфона в телеграм и твиттер?

— Сейчас сам. Последний пост в инстаграм писал сам и предпоследний. То есть сейчас я пишу, я овладел своими большими пальцами вновь и теперь могу писать с телефона. И компьютером. Компьютером я начал пользоваться позже всего, потому что именно раздвинуть пальцы на нужную ширину было сложно, но сейчас могу.

— То есть все уже как раньше?

— Нет, это требует усилия. Я гораздо чаще промахиваюсь по клавишам и автокоррект меня бесит больше, чем обычного человека всегда бесит автокоррект. Как и у всех, слово «Юля» набрать очень сложно. И раньше было набрать слово «Юля» очень сложно, а теперь его набрать в десять раз сложнее. Но я могу. Скажем так, сейчас мне это проще, чем диктовать пост. Сейчас проще писать, чем диктовать.

— Насколько ты похудел за все это время?

— Всего килограмм на 12 или 15. Не знаю. Меня взвешивали, когда я уже начал ходить и мог встать на весы. Когда я еще лежал, меня, наверное, не взвешивали. Может, как-то автоматически взвешивали. Надо будет посмотреть в медицинской карте. Когда я уже был способен осознать, что на весах, и я видел — это было минус 12 кг. Но я думаю, что уже вернул килограмма четыре. Потому что я сейчас активно ем. И я чувствую, что еда добавляет мне сил. Я начал чувствовать, что я как-то могу ходить, когда начал есть нормальную еду. Меня кормили через нос почти месяц, и когда я начал, проще говоря, жрать макароны, силы начали возвращаться ко мне.

— Что врачи говорят про восстановление?

— Нет никакого опыта восстановления. Я так понимаю, что даже у врачей нет никаких специальных знаний относительно поражающего вещества. Все, что они знают — опубликована вот эта экспертиза, которую никто не видел. Есть только информация из немецких СМИ. Какая-то разновидность этого «Новичка». Есть общее понимание, как работает это фосфорорганическое соединение. Но они очень честно сказали: мы понятия не имеем, на сколько процентов будет восстановление — на 90 или 100, на 95, на 80, и с какой скоростью оно пойдет.

Сейчас оно на физической стороне идет довольно быстро. В плане когнитивных способностей — ну, тоже. Самое главное, что основное вернулось. Баланс, координация движений и всякие такие вещи —

они тоже должны вернуться. Опять же — с какой скоростью? То есть это будет график вот такой или вот такой (*показывает руками кривую, взмывающую резко вверх, а потом другую, плавную*). В какой-то момент замедлится восстановление. Сложно сказать. «Мы не знаем. Мы будем больше знать, когда будем смотреть на тебя. Ты восстановишься, и мы, имея опыт одного человека, будем знать, что от этого вида отравляющих веществ человек может, наверное, восстановиться с такой скоростью». Но врачи скорее удивлены, потому что, насколько я понимаю, по их расчетам, я должен был быть пока еще в стадии «сидит и смотрит в стену».

— Прямо каждый день прогресс?

— Реально прогресс! Мы все знали и так, это общая фраза и штамп, что человеческий мозг удивителен. Но он на самом деле удивителен. Я это вижу по себе, по тому, что ты учишься кидать мяч: в первый день ты не можешь поймать ни один мяч, на второй день ты можешь поймать треть мячей. И эти навыки довольно быстро возвращаются. Некоторые навыки, видишь, мне очень сложно даются (*Навальный полулежит на покрывале и когда приподнимается, его руки сильно дрожат от напряжения; рядом растет дуб, и вокруг много желудей*). Я поднимаюсь, у меня дрожат руки, почему? А иду я вообще без проблем, если просто движение «шевелить ногами», я могу идти час, но думаю, что могу пройти два. А какая-то фигня... Если ты мне скажешь: подними этот желудь с дороги — вот здесь я буду испытывать большие затруднения. Я его подниму, но мне будет сложнее. Мне проще два часа пройти.

Иллюстрация: Олег Навальный / Медиазона

— Столько лет столько прессинга, теперь это отравление. Как ты вообще все это выдержишь?

— Я ничего не выдерживаю. Мне вот в этой ситуации было проще всего. Был самолет, и в нем я помер. А дальше я ничего не помню. Собственно говоря, все драматические события разворачивались потом, а я их пропустил, я их не видел. Весь мой драматизм уложился примерно в 35 минут: от момента, когда почувствовал, что что-то не то, до момента, когда я умер. А все остальное, гораздо более тяжелые вещи, с которыми столкнулись моя жена, близкие и все остальные, я пропустил. Поэтому мне выдерживать ничего не нужно было.

Худшая часть для меня была — эти все адские галлюцинации и период, когда меня уже перестали так активно держать на наркоте и я стал чувствовать какой-то дискомфорт. И вот эта фигня, что ты дышишь, что ты не можешь говорить, а воздух идет через рот, ты шевелишь губами, а сказать ничего не можешь. Когда ты уже осознаешь себя и всех узнаешь, но не можешь писать и не можешь придумать слово, не можешь сказать — это был довольно стремный момент.

— А был страх, что вдруг вообще больше не получится?

— Это все-таки тот период, когда было легкое отупение. И мне давали много лекарств, которые снижают чувствительность. Ты меньше беспокоишься, это седатив, я не знаю, как это точно называется. Мне говорят: «Вы помните, как вас зовут?». Я помню, как меня зовут. «Вы можете нам что-то сказать?». Сказать я ничего не могу.

«Вы можете что-то написать?». Я не могу ничего написать. Я помню, как пишется слово и могу его себе представить, а рука его не пишет. А если пишет, то в столбик, и неправильно ставит буквы. Это поразительно. Если бы мне кто-то рассказал — я бы не поверил. Тебе скажут: «Напиши слово "мама"». А пишешь не «мама», а какие-то другие буквы ставишь в столбик. Фиг знает почему. Это поразительно. Поэтому драматизм «выдерживаешь» — я ничего не выдерживал особо. Последние пару недель были чисто какие-то больничные дискомфортные штуки. Но про прессинг и про «выдерживаешь» — скорее Юлю нужно спрашивать в этой конкретной ситуации.

— Давай тогда с отравлением. Ты уже сказал, кто, по-твоему, за ним стоит. А ты знаешь, что покушение произошло в день убийства Троцкого?

— Нет, не знаю.

— В тот же самый день.

— Серьезно?

— Никто еще не спрашивал тебя об этом?

— Нет.

— 20 августа Рамон Меркадер ударил Троцкого по голове (умер Троцкий 21 августа). И Немцова убили в День сил специальных операций^[2].

— Это праздник?

— Это праздник для спецназовцев.

— То есть ты реально считаешь, что за этим какой-то символизм стоит?

— Я тебя как раз хотел спросить, как ты думаешь?

— Черт его знает. Во всем произошедшем так мало логики, мало объяснимого. Несмотря на то, что мы знаем, что в Кремле сидят чудовищные упыри, и что они настолько помешаны на деньгах и власти, что ради денег и власти готовы много ужасных вещей сделать и убить сколько угодно людей. Но, в принципе, механизмы контроля все-таки были немного другие. Мы не предполагали, что это работает именно так, что они перейдут к таким форматам. Я, по крайней мере, не предполагал. Вот ты сказал и удивил меня. Но явно Путин лично упивается идеей того, что у него есть батальон невидимых убийц. Может быть, в попытке убить меня главная идея — запугать большое количество людей. Люди боятся таких вещей больше, чем пули, как мне кажется.

И, может быть, вот этот символизм тоже играет какую-то роль. В конце концов, эти люди ходят к астрологам. Эти люди ходят к каким-то бабушкам в Сибири, и к хиромантам, и ко всем остальным. Мы понимаем, что они помешаны на оккультизме, и мы видим, какой вид православия они исповедуют — что-то близкое к шаманизму. Ну, посмотри на храм министерства обороны. Это же реально оккультное сооружение, которое стоит от православия так далеко, как только можно стоять. Поэтому, может быть, и дату подготовили.

Слушай, после того, как я во всех своих наркотрипах оказался внутри Пелевина, я не удивлюсь, если они ставили на палку коровий череп и пели песню «Крошечка-Хаврошечка»^[3] или что-нибудь такое.

Вообще не удивлюсь ни капли, просто ни капли не удивлюсь, если они куклу вуду какую-то делали, а потом отправили этого Чепигу, или как в сериале *Breaking Bad* — помнишь, там убийцы-мексиканцы ползли к какой-то иконе, приносили жертву, а потом ехали убивать Хайзенберга? Вот просто не удивлюсь ни на одну секунду. Это психически нездоровые люди, а деньги и власть сделали их еще более сумасшедшими и гораздо более опасными.

— Ты же наверняка думаешь о том, что послужило причиной для покушения?

— Все это зона предположений.

— Переформулирую: как ты думаешь, событие, ради которого тебя хотели убить, уже произошло или только должно произойти?

— Реализация — это зона предположений. Что касается причин, это все-таки не полностью зона предположений, у нас есть двадцатилетний опыт. Несмотря на нарастающее давление, несмотря на то, что они применили почти все механизмы, которыми они располагают — ты же сам помнишь, сколько рейдов было одновременных, изъятие всех вещей, штрафы, все должны какие-то совершенно немыслимые деньги, уголовные дела, административные аресты, запреты покидать Москву и так далее. Дальше оставались две опции: либо посадить всех на долгие сроки в тюрьму — но, как известно, они не хотят героизации. Могу просто предположить, что там произошло какое-то совещание, где сказали: «Ну че, сам виноват. Мы вроде и так, и так, и так, и так. В плане мероприятий есть последний пункт, мы дошли до него, потому что остальное не сработало».

Если бы умное голосование сработало успешно — а оно сработало успешно, особенно в Томске — это большая угроза для выборов в Госдуму. И вообще большая угроза для их системы, потому что она во многом базируется на самовнушении и на восприятии. Пока Кремль воспринимается очень крутым — он крутой. А когда все знают, что его разнесли в Хабаровске, а потом в Томске, а потом в Новосибирске, а потом еще где-то — он уже не крутой, и рассыплется эта штука, не успеешь оглянуться.

В 1984 году у любого спроси^[4] — он скажет, Советский Союз просуществует еще сотни лет, и эту систему не сдвинешь. И правозащитники были абсолютными маргиналами. И в 1985 году объявляли голодовку и

умирали^[5]. Мы сейчас находимся в месте, где была стена^[6], и проходили только что монумент одному из последних застреленных беженцев^[7], его застрелили в 1989 году. В 1989 году! И тоже всем казалось: да, конечно, можно стрелять всех этих людей, потому что это навсегда.

Есть такая книжка «Это было навсегда, пока не кончилось»^[8]. Так и здесь. Они хорошо понимают: до тех пор, пока люди считают, что эта офигительно мощная система устойчива, она и остается устойчивой. И главная причина ее устойчивости — это именно восприятие. Как только все скажут, извиняюсь за такую банальность и пошлость, «король-то голый», все рассыплется. В Томске все увидели, насколько легко это рассыпалось. И что в городах, где мало происходит фальсификаций, «Единая Россия» не может победить никак. Большинство не может взять. И Путин, конечно, потеряет контроль. «Единая Россия» — это важнейшая политическая инфраструктура, без нее ничего нельзя. Ты не можешь просто на судах все тащить. Все равно тебе нужна КПСС. Все равно тебе нужна... что там было в ГДР, как она там называлась, правящая партия?

— Социалистическая Единая партия Германии^[9].

— В любом случае мы видим, что в любом авторитарном режиме есть правящая партия, определяющая, направляющая сила. И это основа власти, а не ужасные коррумпированные полицейские или продажные судьи.

Иллюстрация: Олег Навальный / Медиазона

— Ты уже говорил, что тебя отравили, чтобы запугать большое количество людей.

— Они хотели убить меня, потому что думали, что это разрушит нашу инфраструктуру или просто очень сильно ее ослабит. Придется делать все заново, но одна из важнейших сопутствующих целей — просто запугать всех.

— У меня тогда такой вопрос: а как тогда надо квалифицировать твое отравление? По какой статье УК, вопрос буквально как к юристу?

— Как юристу, у меня нет никаких сомнений: покушение на жизнь общественно-политического деятеля^[10]. Это то, по чему должно было возбуждаться дело по убийству Немцова, по отравлению Кара-Мурзы^[11] и всех остальных. Политический и общественный деятель может быть более известный, менее известный. Но не будем заблуждаться и лицемерить, всем понятно, кто такой политический и общественный деятель. И, конечно, ровно по этой статье должно быть возбуждено дело.

— Опять же практически в продолжение юридической стороны, ты уже заговорил про Кара-Мурзу, а как считаешь, отравление Верзилова, Кара-Мурзы, стоит объединять в одно дело?

— Слушай, не знаю. Как я уже сказал, все, что связано непосредственно с механикой — это все зона предположения. Все, что я знаю, это немецкая пресса. Я не общался здесь ни с какими

официальными лицами и ничего не знаю. Я не видел никаких экспертиз, здесь нет никакого расследования, насколько я понимаю. И Верзилов^[12], и Кара-Мурза были неделю [после отравления] в Москве. Мы понимаем, что они были отравлены, но чем, уже установить невозможно.

Я так понимаю, те люди, которые распилили миллиард на новейшей модификации «Новичка», пришли к Путину и сказали: вот смотрите, тут в инструкции мы написали, что через 48 часов не останется ни малейшего следа. Как новейшая вакцина от ковида, она лучше всех. Наш «Новичок», мы проверяли его много на ком, и на крысах, и на утках, и на человеке в парке, и на прохожем в метро. Через 48 часов ничего не остается. А оно осталось. Масс-спектрографы — и шведский, и французский, и немецкий — показали, что это «Новичок». А их продержали неделю и ничего не осталось. В ситуации со мной они надеялись, что прошло 48 часов и ничего не найдут. Поэтому с формально-юридической точки зрения ответ на вопрос про объединение дел — не знаю. С политической точки зрения у меня тоже мало сомнений в том, что отравление этих всех людей, как и убийство Немцова — это некие государственные операции.

— Как ты думаешь, «Новичок» вещество редкое. Если бы его раздавали всем подряд, как ты говорил «Шпигелю», полстраны бы уже перетравили. То есть это какая-то совсем небольшая группа применяет отравляющие вещества?

— Это и есть главный аргумент в пользу того, что за этим стоит Путин. Особенно сейчас, после

того, как «Новичок» перешел в категорию полностью запрещенных веществ, которые хранить даже нельзя. По идее, на территории России не может быть ситуации, при которой кто-то украл из лаборатории «Новичок», потому что его нет. И никто другой не мог санкционировать его применение, никто, кроме руководителей специальных служб, не мог дать непосредственный приказ готовить эту бригаду убийц.

Ситуация, при которой талантливый химик сделал, а просто какой-то бодрый убийца применил — невозможна. Бодрый убийца убьет сам себя и всех людей вокруг. Все-таки этот способ убийства предполагает — было же расследование на эту тему после Скрипаля — что внутри, я не помню, ГРУ или СВР, есть какие-то группы, которые натренированы применять эту штуку. Химическое оружие ужасно, но оно довольно неэффективно. Именно поэтому от него, как ты помнишь, отказались после Первой мировой войны, когда еще конвенций никаких не было. Все перестали его применять, потому что...

— Себя потравили.

— Да, люди погибали ужасной смертью. Но погибали все вокруг ужасной смертью — и свои, и чужие, и кони, и птицы, и вообще все на свете погибали ужасной смертью. Поэтому люди запретили химическое оружие. Сделали совершенно правильную вещь. Но вот Путин решил его активно применять. На самом деле и реакция Европы такая, я бы сказал, выходящая за обычный формат, она ровно с этим связана. Это не потому, что какой-то там оппозиционер Алексей Навальный, а потому что всем офигенно не нравится

идея — как раз Путину очень нравится идея бригады неуловимых убийц, невидимых — а всем остальным очень, очень сильно не нравится.

— Буквально в продолжение темы, как ты думаешь, они не предполагали такой реакции мирового сообщества? Или им на нее наплевать?

— Я думаю, что план был довольно простой и, действительно, цепь счастливых случайностей привела к тому, к чему она привела. Ну, хорошо, ну помер бы я в самолете. И забрали бы потом мое тело в Москве, или в Омске, или в Томске, или я не знаю где, на экспертизу на несколько дней. Была бы ужасно подозрительная смерть. В «Медиазоне» писали бы: подозрительная смерть, эксперты считают, что смерть подозрительная. Но им ответил бы доктор Мясников, что Навального доконал самогон в Кафтанчиково^[13]. Или что-то еще.

В конце концов, человеку за 40, он живет в стрессе. Ну, подозрительная смерть, ну, бывает, умирают же люди в 40 лет. И шло бы это через запятую: Немцова убили, скорее всего, и Навального убили. А может, не убили, за руку никого не поймали. И все, план удался. И никакой реакции бы не было. Было бы заявление: мы требуем расследовать подозрительную смерть Алексея Навального. Ну иди, расследуй, чего. Иди, выкапывай. Проводи экспертизу. Там уже ничего не осталось.

— Про Запад еще вопрос — ему грозит реальная опасность? Тут они спокойно применяют оружие, а почему не применять его против политиков, которые призывают к санкциям, а потом и просто к тем, кто позволяет себе какие-то высказывания?

— Я думаю, что ровно с этим и связана реакция. Не то чтобы Западу грозила опасность, просто ему нужны некие рамки. Запад в широком смысле слова тратит большое количество усилий, чтобы налогоплательщики жили мирно и спокойно. Это все-таки главная цель. И для этого они ограничивают разные вещи. Есть какие-то конвенции и правила. Вы можете иметь танки и пушки. Да, государство, к сожалению, убивает людей. Летит дрон, стреляет в кого-то ракетой. Дрону отдал приказ оператор, оператору отдал приказ генерал, решение о военной операции принял президент. Есть некая *chain of command*, она может быть правильная, она может неправильная, она может быть даже преступной, но она публично санкционирована государством, и понятно, кто за нее отвечает.

Здесь же какая-то тайная удивительная фигня — кто-то пришел, открыл дверь в машину или взял чашку кофе и умер. И он может умереть где угодно. Мы понимаем, что, наверное, Путин не будет морить людей направо и налево в каких-то западных странах, где есть масс-спектрографы, которые могут что-то найти, и он опасается. Но в каких-то странах попроще, а-ля Украина, Грузия или где угодно, ограничений нет никаких. Иди, трави сколько хочешь.

В принципе, любое государство, обладающее нормальной химической промышленностью, оно

тебе сварит цистерну этого «Новичка». Через год разработает и сварит. Это сложное вещество, но если ты способен производить сложные лекарства, то какие-нибудь Нидерланды — ну что, им сложно сделать химическое оружие? Но ровно поэтому и решили, что не надо его делать. Нарисована жирная красная линия. В принципе, много государств могут сделать и биологическое оружие. Ну, можно сделать, но только не надо этого делать! Это общее понимание всех людей. И, на самом деле, развилки две. Если прав я, и это дал приказ Путин, это очень, очень плохо, но если я не прав...

— То есть ты допускаешь, что не прав?

— Я не допускаю, что я не прав. Но все, кто говорит, что Навальный не прав, должны признать, что в России существует система, при которой чины рангом ниже могут где-то находить «Новичок», располагают людьми, которые применяют его, могут входить в гостиницы, могут изымать видеозаписи, могут сделать так, чтобы не возбуждали уголовные дела, могут сделать так, чтобы приехавшие из Москвы консилиумы говорили, что мы посоветовались с немецкими врачами, и он нетранспортабелен. Хотя немецкие врачи пришли и сказали — да мы его хоть сейчас увезем, понимаешь! А этих врачей привезли в окружении и увезли, это выглядит вообще странно. То есть это выглядит как полный выход из-под контроля. Тогда означает, что эти группы или, как принято считать, башни Кремля, травят «Новичком». А завтра кого они еще будут травить?

— Друг друга.

— Друг друга, а послезавтра еще... в понятие «друг друга» может включиться кто угодно. То есть если его можно купить или можно коррумпировать людей, которые им обладают, то все еще гораздо, гораздо хуже. Вот в чем опасения. На самом деле, жесткая реакция Запада связана с тем, что никакая из этих развилок им абсолютно не нравится. И если бы меня застрелили бы, они бы сделали заявление: мы возмущены, это что за беспредел, террор, требуем расследования. Но именно химическое оружие — абсолютно нарушение конвенций, понятийных вещей. Если верить газете *Le Monde*, этот разговор с Макроном знаменитый, что я вам не русский пейзаин. Они-то ожидают некоего понятийного разговора: ты президент, я президент, давай, мы перетрем по-президентски. Ты там нам скажи что-нибудь такое: ну, случился сбой в системе, хотели его прижмурить, сейчас поправим, как-то накажем. Вы не поднимайте кипиш, типа порешали. А Путин говорит: он сам себя отравил «Новичком».

— И это опять пересечение красной черты?

— Конечно! Во-первых, для меня это косвенное подтверждение, что этот приказ отдал лично Путин. Потому что он не просто выгораживает это все, а выгораживает какой-то сверхфантастической чудовищной ложью. Это не просто забегание за красную линию — ты забегаешь за красную линию и, как дети в салочки, играешь «на-на на-на-на». Хорошо, завтра все начнут делать это чертово химическое оружие. И чего? И хорошо. И все это приведет к тому, что рано или поздно кто-то сварит его семь литров, блин! И уничтожит город. Не нужно этого

делать. Поэтому все очень сильно по этому поводу напрягаются.

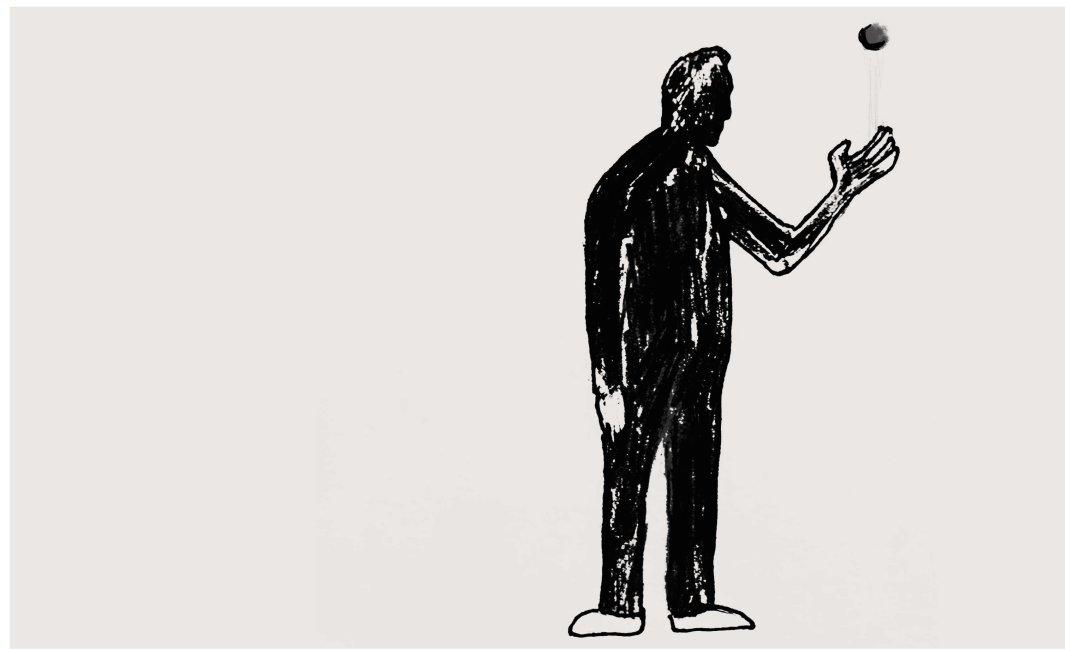

Иллюстрация: Олег Навальный / Медиазона

— Десять лет назад ты **давал** интервью «Эсквайру» и там был эпизод, когда тебя спрашивают, не боишься ли ты повторить судьбу людей, на которых покушались. И тогда, кстати, в тренде были Кашин^[14] и Бекетов^[15]. И тебе говорили: что, если с тобой будет, как с Кашиным и Бекетовым? И ты отвечаешь, ну, я надеюсь, что если со мной что-то случится, во-первых, я бы предпочел, чтобы лучше, конечно, как с Кашиным, а, во-вторых, я надеюсь, что за меня люди выйдут. Как ты относишься к тому, что люди не вышли?

— За что им было выходить? Не вышли и правильно. А за что идти? Во-первых, слушай, там же реально была ситуация: ну, окей, вырубился чувак. Кира сразу понимает, Кира видела это все (*пресс-секретарь Навального Кира Ярмыш, которая сидит рядом, кивает*). Можешь у нее спросить. Я очень ждал, пока она приедет, чтобы расспросить — интересно, как это все происходило. Ну, отрубился. Они все говорят: диабет. Про химоружие ничего не известно. Понятно, что отравили. Не может быть, чтобы человек абсолютно нормальный взял и грохнулся. Так я же еще перед этим сказал, меня отравили. Я уже все понял.

— Понял?

— Конечно, понял, это было совершенно очевидно. Но, мне и Волков говорит, блин, ну... в скорой сказали, что у него, видимо, наркопередозировка.

— Наркопередозировка?

— Мне сказали, наркотическое отравление. То есть они видели, что чувак лежит в коме, без сознания, они думают: ну, наркота, понятное дело. А что еще может быть? Картина, как у типичного чувака с передозом. Отравление, да. И они говорят: на следующий день он будет нормальный. И Юля, и Волков говорят — сейчас мы тебя отвезем в Германию, а ты на следующий день проснешься и нас всех убьешь, блин. Юля ходит по этим врачам, они ей говорят: панкреатит, нарушение обмена веществ. Они — врачи, а она не врач, и доступа нет, возможности ко мне прорваться, какого-то нормального врача пустить. Никто же не понимал, что происходит, а, может быть, действительно, что-то там... невозможно разобраться.

То есть, конечно, скорее всего, по принципу утки: если выглядит все так, что его отравили — его действительно отравили. Но ни анализов, ни доступа к телу, ничего абсолютно нет. Поэтому любой вариант не исключен. Плюс, они говорят, что его нельзя вывозить. Тоже страшно с ними спорить, потому что какие-то конченые люди в этой больнице. Руководство. На самом деле, на низовом уровне довольно много помогали, хорошие люди. В коридорах они Юле шептали губами «увозите его быстрее», а потом шли на консилиум и говорили: он не транспортабельный. Никто ничего не знал, никто ничего не понимал. Господи, я начал так долго отвечать, а какой был вопрос?

— Почему люди за тебя не вышли? Это нормально?

— Они не понимали, за что выходить. То есть когда чувак впал к кому, скорее всего, его отравили.

— «Скорее всего» мешало?

— Во-первых, «скорее всего», во-вторых, вроде живой остался, в-третьих... На самом деле, люди сделали самое важное, что, видимо, и спасло мою жизнь — они об этом бесконечно говорили. И была реакция такого уровня, что вторичная смерть была бы гораздо хуже — в самолете-то коньки не отбросил, но если помер бы в Омске в больнице, это было бы уже точно на совести режима. Поэтому меня и выпустили.

— Слишком большое внимание?

— Слишком большое внимание, а выходить особо было и не за что. Было бы странно выходить. За что

выходить? Выходить нужно, если сажают человека. Если умер. Какой-то протест. В этом и хитрость этого формата убийства, потому что все очень непонятно.

— То есть главное — создать много версий. Они же очень любят это.

— Да, много версий, которые отвлекают. Что случилось — непонятно. Если бы произошло так, что этот «Новичок» разложился, и меня бы не вывезли или еще что-то, до сих пор бы никто ничего не понимал.

— Так и продолжали бы говорить «панкреатит».

— Ну конечно. Например, как с Верзиловым или с Кара-Мурзой. Может, отравили, а, может быть, он увлекался барбитуратами какими-нибудь? Они продолжают говорить эту версию сейчас. Просто в моем случае три независимые лаборатории подтвердили [«Новичок»]. И это немножко меняет ситуацию.

— Тебя же отравили на волне протестов в Беларуси и почти месяц протестов ты не застал, но Лукашенко все еще у власти, несмотря на очень массовые протесты. Вопрос: у тебя нет такого ощущения, что сколько бы миллионов ни выходило, если силовики на стороне диктатора и тирана, то ничего не меняется?

— Нет, у меня нет такого ощущения. Две вещи, которые меня удивили, когда я вышел [из комы]. Белоруссия меня не удивила: я, безусловно, всей душой на стороне тех, кто борется против тирана, но, глядя на степень безумия Лукашенко, понимаю,

что разные варианты могут быть. Он ни перед чем не остановится. Когда мне сказали, что прошло 80 дней, а в Хабаровске люди все еще выходят, вот это меня удивило. Я подумал: ни фиги себе! Я всего в больнице был 36 дней, из них 24 в реанимации и потом некоторое время еще не в кондиции.

Мне кажется, все эти исторические и особенно географические параллели не очень работают. Мы видели разные вещи. Опять же, тот же самый Советский Союз. Или здесь, опять же, символически ГДР. Стена в 1990-м году была, а «штази»^[16] была одной из самых сильных спецслужб мира. И они реально как безумные расстреливали мирных людей, которые перебегали через границу. В СССР, мне кажется, такого не было. Все-таки в СССР их пытались поймать, а здесь их сразу расстреливали. Ну и что? И все за один день рухнуло. Поэтому, нет, я так не считаю. Все очень индивидуально. И не существует некоего правила, трафарета и столбовой дороги, чего-то такого.

— В контексте Беларуси вопрос про санкции. Как думаешь, давление Запада влияет на авторитарные режимы или не влияет, санкции — не санкции? Или это все бесполезно?

— Я думаю, что влияет, но никакого давления мы пока не видели. Потому что есть правило и четкое понимание: да, сам авторитарный лидер бьется за власть, которая дает деньги. А окружение вокруг него бьется за деньги. И весь второй, третий, четвертый эшелон, они поддерживают Путина для того, чтобы... Грубо говоря, обобщенный главврач Омской больницы вступает в «Единую Россию»,

чтобы украсть деньги на закупке томографа. И поэтому ему нужен этот режим. Таргетировать нужно санкциями вот этих людей. Все равно ни в Белоруссии, ни в России они деньги хранить не будут. В этом смысле в санкционные списки нужно включать гораздо больше людей, и людей, обладающих деньгами.

От того, что в санкционный список включают Мишкина и Чепигина, или как их там звали — у них есть какие-то деньги, они украли что-то, купили себе гелендваген или построили дачу большую, это не бог весть что. Но есть огромное количество путинских чиновников, которые украли миллион долларов и держат его в банке где-нибудь в Швейцарии или здесь, в Германии. Или украли миллион долларов и купили себе квартиру в Берлине. Или украли миллион долларов и держат его кэшем дома, а сюда приезжают в Берлин потусить на уикенд и тратят деньги. Вот их нужно включить в санкционные списки, это можно назвать санкциями, черными листами, как угодно. Эта штука будет работать.

Если мы говорим про Белоруссию — господи, да полстраны ездит в Польшу, правильно? В том числе и все чиновники. И там каждый второй чиновник, который кричит «вперед, батька», оформил себе паспорт поляка^[17], или как это называется, для того, чтобы ездить туда без виз. И вот там нужно ставить преграду, потому что секторальные санкции не достигают эффекта. Они поражают экономику страны в целом и делают всех немножко беднее. С этой точки зрения, наверное, это, может быть, даже помогает консолидации режима. Но настоящих санкций они не могут ввести, понятно почему — моя

позиция не изменилась, я все это говорю с 2010 года, одно и то же повторяю, как попугай.

— Бесполезно?

— Бесполезно, потому что у них ответ на это очевидный, понятный и правильный. Они говорят: ну, Алексей, ты понимаешь, что такое *rule of law*. Ты понимаешь, что у нас есть здесь суд, что у нас есть процедура? Мы не можем. Мы понимаем все про Усманова твоего, но как ты предполагаешь, что мы возьмем, блин, и арестуем его яхту, стоящую в Барселоне? Ну так пойдет Усманов в суд, и в суде все отменят. У всех этих людей есть армия юристов, армия банкиров, и везде есть регулирование, нельзя просто так взять и всех включать направо и налево.

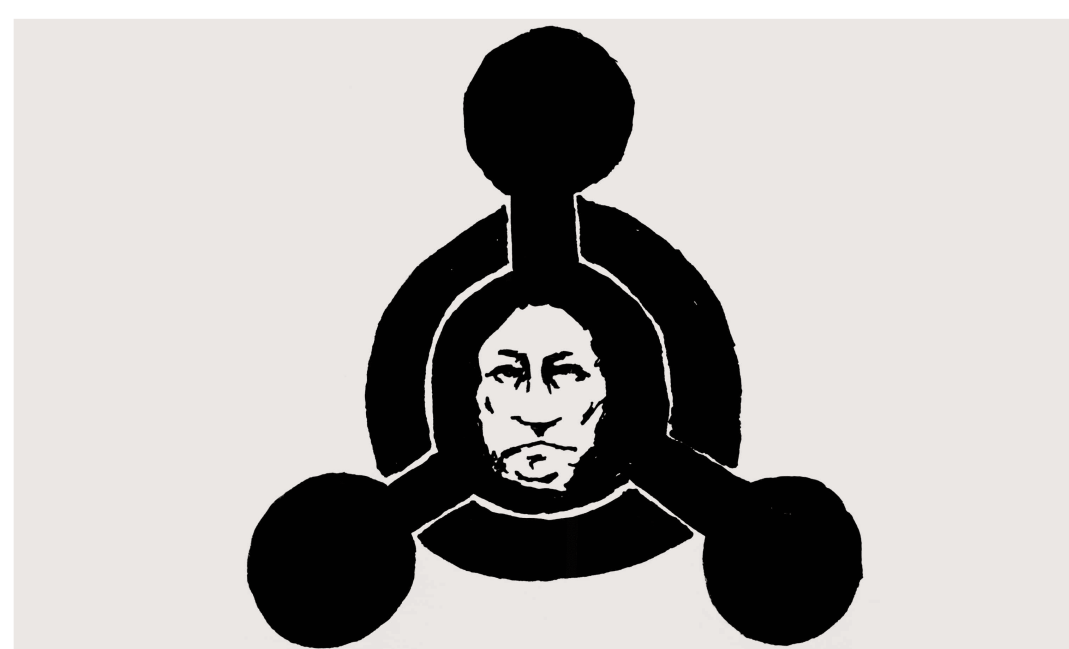

Иллюстрация: Олег Навальный / Медиазона

— И что делать?

— Ничего не делать. Никто не будет решать наши проблемы. В ситуации со мной, например, они все передадут в Организацию по запрещению химического оружия. И там все будет происходить, потому что их интересует, чтобы не было химического оружия. А во всех остальных ситуациях они занимаются своими гражданами. Никогда никакая Германия, Англия, США не будут помогать, вот прям сильно думать о том, как же русских людей освободить от тирании. Нужно перестать думать об

этом и сильно надеяться, что заграница нам поможет. Это все фигня, заграница озабочена собой.

Представь, что в Россию приезжает — тебе легко представить, у тебя есть «Медиазона. Центральная Азия» — условный узбекский диссидент и рассказывает про ужасные преступления режима. Мы его сочувственно слушаем, говорим: ни фиги себе, шерим все его интервью. Ну, окей, узбекский диссидент, все это ужасно. Что, мы должны пойти войной на условный Узбекистан? Нет. Ну блин, пусть они сами разбираются, это же Узбекистан, или Камбоджа, или Мьянма. Это не мы. Так и здесь. Немцев химическое оружие напрягает. Но в целом, демократия в России — они хотели бы, чтобы Россия была стабильной, нормальной, богатой страной, чтобы не было из нее потока миграции и всякого такого. Но у них много своих забот. И любая маленькая проблема в какой-нибудь земле Бранденбург в миллион раз важнее, чем все происходящее в России.

— Опять я про Беларусь. Ты с Юлей обсуждал выдвижение Светланы Тихановской в контексте, простите, уже очередной раз задаю вопрос, наверное, Плющев же предлагал^[18] ее выдвинуть...

— Мы не обсуждали это. Тихановская крутая. Мы с интересом следим. И это было правильно сделано. Но это невозможно реплицировать. Эта вещь сложилась в уникальной ситуации и в уникальной ситуации сработала. Мужики выдвинулись, двоих посадили, один сбежал^[19]. И вот отчаянные женщины объединились. Плюс Лукашенко сделал фатальную

для себя ошибку — подумал, что женщина даже в честной системе ничего не наберет. Но нельзя [говорить]: а давайте сделаем точно так же. Это такие же бессмысленные глупые рассуждения вроде «вот в Чили был референдум, поэтому на голосовании по поправкам надо делать как в Чили».

— Не работает так?

— Не работает. И это рассуждения каких-то пикейных жилетов. Я сам в жилете тут сижу (*Навальный действительно сидит в пуховом жилете, надетом на футболку*). И каких-то странноватых политологов. Это все очень классно, я восхищен Тихановской. Она правда крутая. Я думаю, сейчас ей очень тяжело. Еще тяжелее, чем раньше — первый порыв закончился, началась такая рутина, все переругались, денег нету. Муж по-прежнему сидит, все сидят. Это очень тяжело, заниматься сейчас в Белоруссии оппозиционной деятельностью, даже за пределами Белоруссии. Но все вот такие параллели политические, они не имеют большого смысла. Мы следили за всем, но...

— Это не применимо к России?

— Я считаю, что это не применимо.

— Кстати, Беларусь или Белоруссия?

— Белорусы хотят, чтобы говорили Беларусь, что мне, жалко, что ли? Если белорусам приятно, я скажу Беларусь. Если я говорю на автомате, я буду говорить Белоруссия, потому что я всю жизнь говорил Белоруссия. Но если они сильно хотят, то чего бы мне не сказать Беларусь. Поэтому на письме

я пишу Беларусь. Или потом поправляю себя. А в разговоре, видишь, я говорю все время Белоруссия. Честно говоря, мне кажется, вокруг этого много бессмысленного разговора, но раз людям очень важно, пусть будет Беларусь.

— Про семью немножко с другого ракурса. Ты же уже сказал, что испугался за семью, что их тоже могли отравить.

— Это неприятная мысль.

— Это понятно, а прошлый раз такое было? Когда была зеленка и когда было первое отравление?

— В спецприемнике?

— В спецприемнике. Тогда такие мысли про риски для семьи были или нет?

— Масштаб, конечно, другой. Зеленка — это было понятно, зеленка — это группы агрессивные, которые подчиняются ГУВД Москвы, Центру «Э». Они как-то по согласованию с ними или без согласования с ними делают такого вида харассмент. Они переборщили, Кремль, скорее, разозлился, потому что я получу сочувствие, я потеряю глаз. На этой волне, видимо, мимолетных эмоций, мне отдали загранпаспорт, чтобы я не получал так много сочувствия, а наоборот, все говорили, что я — агент Кремля, потому что получил загранпаспорт.

— Договорился.

— Про отравление в спецприемнике было понятно, что это государственная операция. Я смотрел в зеркало и видел, как мое лицо превращается в такой шар, я стоял, я говорил. Я немножечко перепугался, глядя на лица людей, которые смотрели на меня, они были очень испуганы, но такой мысли, что все, конец, я умер, я умру — такого не было. Что-то они сделали, но масштаб несоизмеримый совсем. Эти события я не то что забыл, но они как-то более или менее... Они у меня как-то выветрились. Ты мне говоришь, и я вспомнил это, но это фигня. Совсем другой формат и масштаб.

— Тем не менее все равно же отравили. Ты сам говоришь: стояло за этим государство. Это тогда было предупреждение?

— Фиг его знает. Говорю же, они сумасшедшие. Им нравится, Путину, я уверен, [нравится]. Это отравление — очень сложная штука в администрировании: дозу рассчитай, нанеси так, чтобы не нашли. Очень часто не получается. Впрочем, мы не знаем, сколько было успешных операций, может быть, у них процент успешных операций 95. Мы же все знаем про неуспешные случаи, где что-то пошло не так. Но это очень сложный в администрировании способ.

Он им очень нравится, потому что он *terrifying*, то есть он нагоняет ужас на людей. Все это отдает мистической смертью, таинственной гибелью и порождает, как ты правильно сказал, много версий. Ты можешь этими версиями швыряться: человек ушел в отключку, упал — ты можешь сразу говорить про алкоголь, про самогон, про наркотики, про

рафаэлку и сахар, диабет и так далее. Люди же из опыта знают, что умирают от всего в любом возрасте. Им это очень нравится, для них это *soft power*, важнейший элемент гибридной войны. Типа возможность кого-то травануть, и все вокруг такие: о, что случилось? И обсуждают, обсуждают. Они сидят там и...

— Наконец-то, какие мы крутые.

— Офигенно! Смотри-ка, а этот что написал, ха-ха-ха, а этот что написал, умора какая! А мы знаем, как мы это сделали, кому мы это сделаем следующему. Потом этот будет, мы и его еще. Смотрите, он пишет, блин. Интересно, что он напишет, когда... по списку дальше пойдут. Я не видел приказа применить условный «коктейль номер 9» к таким-то и таким-то, но у меня нет ни малейших сомнений, что явно довольно широкое применение таких экзотических способов убийства или попыток убийства — это, конечно, санкция именно Путина, ему нравится. Он считает, что это его большое достижение.

— От отравления к выборам. Ты доволен результатами в Новосибирске, Томске?

— Я естественно, очень доволен Томском. В Новосибирске украли три мандата, но все равно. Если в Томске мы «Единую Россию» вообще разнесли, то в Новосибирске мы ее сильно потрепали. Регионы, в которые нас не пустили, в Тамбовской области — очень сложный регион — но там тоже очень много кандидатов умного голосования победило. Поэтому я доволен — с той точки зрения, что сейчас мне и моим коллегам будет проще объяснять,

как работает умное голосование, почему важно в нем участвовать. Ключевой успех стратегии — чтобы в нее верило достаточное количество людей. Бессмысленная, долгая и нудная дискуссия «как же можно голосовать за коммунистов» все равно никогда не прекратится. Но нам сейчас будет легче. Было понятно, что мы это сделаем, и мы это сделали. И Кремлю было понятно, что мы это сделаем, поэтому случилось то, что случилось.

— С другой стороны, губернаторские выборы, там без вариантов?

— Умное голосование и любые наши стратегии относительно губернаторских или президентских выборов просто не работают. Это конкретная стратегия, даже лучше сказать тактика. Умное голосование — это именно мажоритарные округа в Госдуму и в региональные законодательные собрания. В ситуации губернаторских выборов идет единичный, штучный подбор кандидатов от власти и его противников. Там такой, в известном смысле, политтехнологической штукой, как умное голосование, не победишь, просто она там не работает.

После того как избрали Фургала^[20], избрали Сипягина^[21], избрали Коновалова^[22] в Хакасии, они сделали выводы. Там очень тщательно подходят на этапе подбора кандидатов. На губернаторских выборах мы говорили: голосуйте за второй тур, за любого, кто не кандидат от власти. Но губернаторские выборы это, как и президентские, пока просто безмазняк. Власть тоже не дураки, они адаптируются. Моя стратегия

«голосуй за любую партию, кроме "Единой России"» в 2011 году сработала, а в 2012 году уже закончилась.

— Ты считаешь, что умное голосование в какой-то момент может сильно поменяться, модернизироваться?

— Для этих людей это вопрос выживания. Когда мы придумали умное голосование, мы сели с калькулятором и посчитали, сработает оно или нет. И они же не дурачки в фейсбуке, которые начали хвататься за сердце с криком «боже мой, как же можно голосовать за коммунистов!». Они точно так же сели с калькулятором и посчитали, и сказали: нифига себе, так они сейчас нас повышибают отовсюду. И начали придумывать разные варианты. В частности, в Новосибирске они поделили округа между коммунистами и «Единой Россией». И в Новосибирске у нас не получилось, как в Томске, там против умного голосования они применили очень изощренную технологию. Я не сомневаюсь, что с выборами в Госдуму, следующим циклом региональных выборов, будет какая-то еще технология. Отсюда трехдневное голосование.

— Кроме прямых вбросов?

— Да, кроме вбросов. Они, конечно, найдут еще. Это изощренные люди, и они обладают всеми механизмами для того, чтобы имплементировать свою изощренность. Они что-то придумают, и мы что-то другое придумаем.

— Тогда от голосования к 2024 году. У меня довольно простой вопрос, про Путина. Понятно, что он пойдет?

— Пфф. Ты удивил меня этим вопросом.

— Почему?

— Конечно, очевидно, он пойдет.

— А он не думает, когда смотрит на Лукашенко, что будет примерно так же выглядеть?

— Наоборот. Я думаю, что Лукашенко, Асад, для него — абсолютно правильные примеры, «стой до последнего». Танк поставь и стреляй, ходи с автоматом и делай какие-то другие штуки, но главное — оставайся у власти. Для него Лукашенко и Асад, и какие-то другие чуваки — это победители. А люди, которые дали слабину, ушли — это лохи, потому что их взяли на испуг. Он не думает, что они пожалели свой народ, отказались стрелять: ну, типа, какая-то фигня, там просто вышли на улицы и испугали их, а они вместо того, чтобы поставить роту пулеметчиков и дать команду, взяли и почему-то не стали этого делать. Поэтому чем его не должен устраивать Лукашенко? Лукашенко, не обладая никакими правильными качествами, загнав страну в экономический и политический тупик, тем не менее полностью контролирует все.

Иллюстрация: Олег Навальный / Медиазона

— То есть он не боится потерять большинство?

— Нет, конечно для него важно не потерять большинство, поэтому там сложная игра все время. Поэтому меня не сажали, чтобы не героизировать. При всем при том, что мы видим, что Россия сильно меняется. Сейчас, наверное, репрессии можно называть массовыми, каждый день возбуждаются уголовные дела, но все-таки нужно признать, что сотен новых политзаключенных в России не было, водометов на улицах и слезоточивого газа не было.

Каждый раз, когда реально массовое количество людей выходят на улицу и есть угроза, как дело Голунова, моя посадка в 2013 году, когда люди выходят или идет очевидный эмоциональный всплеск, что чревато, они делают шаг назад. Применяют некое политическое дзюдо или айкидо, или что угодно. Отступили. Они предпочитают разводить, а не действовать напролом. Это известная штука. И, конечно, Путин заботится о своем рейтинге. И он понимает отлично, что сколько угодно можно иметь полицейских и тех же самых водометов, все равно рейтинг его и «Единой России» — почему мы их так бесим-то?! Часто приходится слышать такое рассуждение: какая-то фигня, Навальный прицепился к «Единой России», «Единая Россия» — это ничего, все партии это «Единая Россия». Но это не так абсолютно. Они понимают очень хорошо, что рейтинг «Единой России», ее способность побеждать и контролировать регионы — это ключевая вещь. И рейтинг Путина — это ключевая вещь. Они за этим очень внимательно следят. Без этого все разваливается. Лукашенко почему испытывает такие

проблемы? Потому что объективно его рейтинг очень сильно упал.

— Еще вопрос, ответом на который ты можешь оскорбить определенное количество людей.

— Про Израиль или про Армению?

— Нет, про это я не буду спрашивать, давай без геополитики. Я про оппозицию. Ты же очень жестко сказал, что никакой эмиграции, политику надо быть в России. А чем тебе так не нравится российский политик в эмиграции?

— Да я нормально отношусь. Это личный выбор каждого. И у нас есть куча людей, которых фактически выдавили из страны. И, безусловно, они, находясь здесь, в сто раз полезнее, чем если бы сидели в тюрьме. Я не вижу ни малейших проблем с тем, что люди могут быть не в России, мы живем в глобальном мире. Я не испытываю негативных эмоций, не испытываю превосходства над ними, над теми, кто оперирует из-за границы.

Я просто говорю, что я вернусь — но не говорю, что я вернусь, потому что не хочу быть такими, как они. Я просто сказал, что не хочу заниматься эмигрантской активностью. Например, не хочу вести отсюда прямые эфиры или еще что-то делать. Мне кажется не очень правильным, что Алексей Навальный из Берлина призывает к революции. Если я что-то делаю, я хочу разделять риски с людьми, которые у меня в офисе работают.

— Видел опрос «Левады»? 20% поддержка твоей деятельности, 50% относится негативно. 20% — много или мало?

— Это много, конечно. Потому что 20% — это все-таки касается меня, абсолютно несистемного политика, которого даже в каких-то газетах не совсем на 100% правительственной направленности называют только «блогер». Сейчас меня везде официально именуют «агентом ЦРУ, который получает инструкции». Все-таки много-много лет, начиная, наверное, с 2008 года, как я начал судиться со всякими «Газпромами», идет плотная волна пропаганды против меня. Тем не менее 20% одобрения или поддержки — конечно, очень много. Я отлично понимаю, что в ситуации, если будут выборы, и я на них буду допущен, это будет совсем иначе.

50% отрицательного рейтинга — это тоже много. А как ко мне должны относиться люди, которые смотрят телевизор, и по телевизору рассказывают, что есть Навальный, он трижды судим, он оскорбил ветерана? Какого-то ветерана он где-то оскорбил? Наверное, люди думают, что я стоял на улице, шел ветеран, а я вырвал у него гвоздику из руки и растоптал. Оскорбил ветерана, работает с агентами ЦРУ и так далее — смотрит человек в телевизоре. Он же знать ничего не знает, на ютуб не заходит, что он должен думать-то про меня? Если тебе рассказали по телевизору, что Иван Петров расчленил человека, ты вряд ли начнешь хорошо думать про Ивана Петрова, хотя, в целом, может и не доверяешь российскому телевидению. Вот и они так же. Я спокойно к этому отношусь. Я по-прежнему стою на своей позиции. Хорошо, что это показал «Левада». Если бы он показал

хуже цифру — я не ждал такой хорошей цифры — я бы все равно не сильно расстроился, потому что вопрос не в том, что намерили, а вопрос, что нужно сделать, чтобы потом намерили иначе.

— Как думаешь, будет «список Навального» санкционный?

— Нет, я надеюсь, что не будет. Я не хочу никакого «списка Навального», не нужен никакой дурацкий «список Навального». Нужен список Путина, список тех людей, которые ограбили граждан России. Какие-то санкции неизбежны, потому что химическое оружие. ОЗХО^[23] — организация, которую создавала в том числе Россия и которую Россия между прочим очень любила — покажет, что было химическое оружие. Я думаю, истерика МИДа связана с тем, что они видели драфт доклада, потому что они же члены ОЗХО. Это неминуемо. Какая-то реакция будет, потому что нарушена Конвенция. Но это будут какие-то больше ритуальные санкции. Еще раз повторюсь — да пофиг на эти санкции. Они нам не помогут никак.

— Не холодно? А усталости нет? Или тяжело вато формулировать (уже вечер, и на улице стало заметно холоднее)?

— Когда меня вывозили из Омска, в справке немецких пилотов, где они описывали мое состояние, писали, что у меня кома номер 3. Там было написано, что температура тела 34 градуса, поэтому мне теперь никогда не холодно.

— Буквально еще два вопроса. Первый, я думаю, ты с юмором к нему отнесешься. Тем не менее мне кажется он более серьезным, смотри, ты уже, наверное, прочитал, что политологи «Коммерсанту»...

— Сказали, что возбудят уголовные дела?

— Сказали, что будет дело о госизмене. С одной стороны, мы понимаем, что это просто бред абсолютный. Стоп, а с другой стороны — а они что, не могут?

— Слушай, ты главный редактор «Медиазоны» и ты, как никто другой, понимаешь, что пройдет какое-то время и единственными подозреваемыми по делу о моем отравлении буду я и сотрудники ФБК, у нас пройдут обыски. И как бы мы пострадаем, только в отношении нас будут репрессии по факту попытки убийства человека, который создал ФБК. В этом нет ни малейших сомнений.

Такие рассуждения политологов я вижу с 2010 года, когда я возвращался из Йеля. За три недели до возвращения были в том же самом, по-моему, «Коммерсанте» статьи про то, что против Навального, скорее всего, будет возбуждено уголовное дело из-за его деятельности в Кирове. Они просто не хотят, чтобы я вернулся. Вот и все.

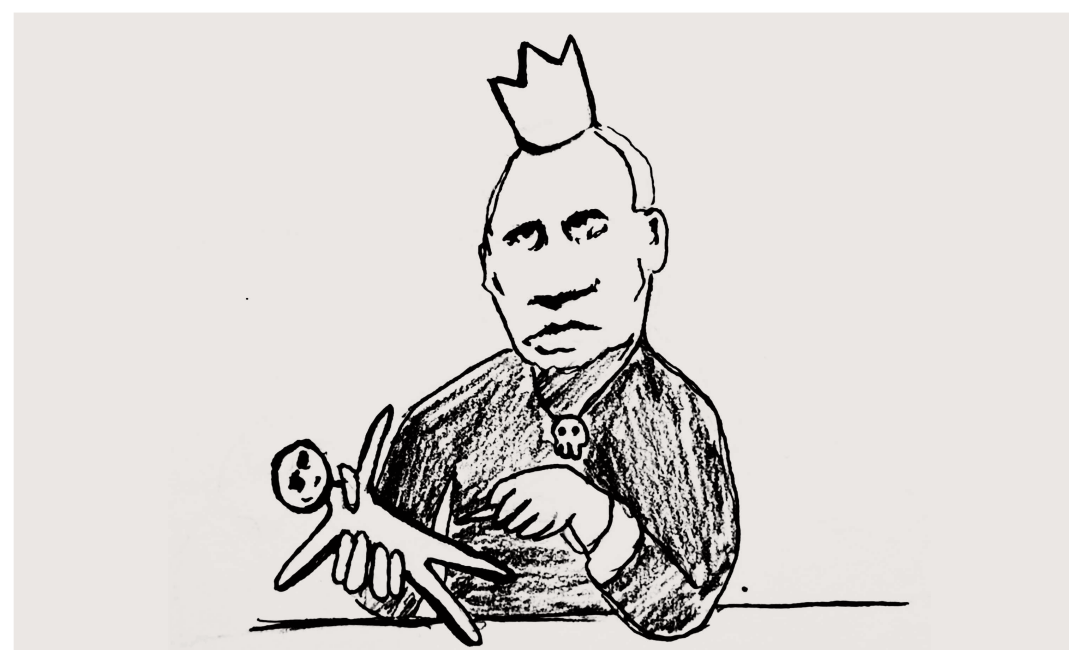

Иллюстрация: Олег Навальный / Медиазона

— То есть выдавливают из страны, как Троцкого? Есть такое чувство?

— Абсолютно. 100%. Если они добьются того, что я не вернусь, наверное, им будет даже еще круче, чем если меня грохнуть. Потому что все-таки в общественном сознании, если человек уехал — он сдался. Я не хочу никого критиковать. Но они бы этого очень хотели, это очевидно. Все эти заявления Пескова и разговоры Путина. Я просто жду, когда они с одиночными пикетами встанут: «Не возвращайся», «Требуем, чтобы ютубовский власовец не вернулся в нашу страну».

— Ты в политике 15 лет.

— С 2003 года, даже раньше, на самом деле.

— Двадцать практически. Все это наблюдаешь, от раннего Путина к тому, к чему мы сегодня пришли. Как ты думаешь, оппозиция могла на что-то повлиять за это время по-настоящему или это были необратимые процессы?

— Сослагательного наклонения, понятно, история не знает, но, конечно, могла. Могла сильно повлиять, когда еще в Думе сидела^[24]. Но никто же тогда не предполагал. Путин 2001 года или 2000 года — это же совсем не тот Путин, который сейчас. Тот же Немцов шел... как там? «Кириенко в думу, Путина в президенты». Может быть, Немцов в меньшей степени, чем какой-нибудь Чубайс и все остальные. Тогда же было совсем все по-другому.

Я-то пришел в политику, потому что мне не понравился пришедший Путин к власти, но я и близко не мог предположить, что такое произойдет. Наверное, могли повлиять. И я, наверное, мог повлиять. Мог бы я действовать более эффективно? Мог бы. Мог бы я сделать что-то более хитрое, более смелое, более умное? Да 100%, что мог бы сделать. 100%. А что об этом говорить? Ну, не сделали уже. Это такие же рассуждения, знаешь, из серии, а нужно было идти не на Болотную, а на...

— Нужно было в итоге?

— Фигня эта полная! Все это не имело значения! Настроение нужно было иметь другое. Тогда вопрос был не места. Я не был на первом митинге, но был на втором, мне все подходили и говорили: Леш, только не выступай с агрессивными лозунгами, мы должны быть максимально добрыми и такими хорошими. Потому что это вопрос настроения в обществе, в конце концов. Безусловно, политики создают реальность, но и реальность очень часто управляет политиками. Наверное, могло бы быть иначе, но ничего не получилось.

— А сейчас настроения изменились?

— Мне кажется, да. И это довольно очевидно. Выборы региональные это показывают.

— И Хабаровск.

— Хабаровск показывает, что происходят вещи, которые сложно было себе представить. Многие из них не кажутся важными. А мне, например,

кажется супер-важным, что в Тамбове, зачищенном регионе, где супертрадиция фальсификаций, кандидаты умного голосования тоже побеждали. И это принципиально важная вещь. В принципе, трехдневное голосование они вводят почему? Потому что нельзя иначе. Референдума нет почему? Потому что проиграл бы референдум дяденька.

Ситуация меняется и меняется стремительно. И они звереют. И в том числе травят людей — ровно потому, что они чувствуют, что земля уходит из-под ног. И как Путин в книжке своей писал, помнишь, про крысу, которую загнал в угол, а она бросилась^[25]? Наверное, несмотря на свое могущество, «Новичок», Золотова в берете и Соловьева в ютубе, доктора Мясникова и так далее они все равно, в целом, чувствуют себя загнанной крысой.

Потому что народ против них, сейчас не существует ни одного места от газеты «Комсомольская правда» до сайта Первого канала, «Медиазоны» или очереди в поликлинику, где не ругают власть. Там, может быть, будут рассуждать: «Если не Путин, то кто, другого нет, оппозиция еще хуже». Но в целом есть супернегативное отношение к власти и общее некое отчаяние, разочарование, понимание того, что вот эти люди у власти ничего изменить не могут. Это глухой ропот, который происходит в ситуации вынужденной беспомощности, когда люди не верят в перемены, уж точно не верят, что выборы или политики, или оппозиция поможет. То есть вот это все сработало.

Но в целом у них, я имею в виду у Путина, путь только вниз. Путь вниз. И компенсация падения рейтингов,

падения экономики какими-то другими методами. От фальсификации выборов до убийства людей. Но это не то, о чем они мечтают. Они же хотят, чтобы все их любили. И можно было воровать деньги. И все было классно. Как это было в 2007 году. Но 2007 год никогда не вернется ни для них, ни для нас.

Редактор: Дмитрий Трещанин

1. Интервью записано в субботу, 3 октября.
2. Этот профессиональный праздник отмечался в день убийства Бориса Немцова — 27 февраля 2015 года — впервые, указ был подписан Путиным накануне.
3. Такой ритуал описан в романе Виктора Пелевина «Священная книга оборотня».
4. В 1969 году диссидент Андрей Амальрик написал статью «Просуществует ли СССР до 1984 года?». Автору дали три года колонии, прогноз к назначенной дате не сбился.
5. Последним советским диссидентом, погибшим от голодовки в тюрьме, стал Анатолий Марченко. Он голодал 117 дней и умер в декабре 1986 года. После его смерти Горбачев начал освобождать политзаключенных.
6. Западный и Восточный Берлин до 1990 года разделял «антифашистский вал» — стена, построенная, чтобы остановить массовое бегство жителей ГДР на Запад. Официально стена защищала восточных немцев от агрессии капиталистического окружения.
7. Из ГДР в ФРГ.
8. Книга профессора Калифорнийского университета Алексея Юрчака о настроениях в обществе накануне распада СССР, в России последний раз переиздавалась в 2019 году.
9. СЕПГ. В отличие от СССР, власти Восточной Германии изображали многопартийность: кроме правящей СЕПГ, были еще четыре партии и свой «Народный фронт» из провластных общественных организаций.

10. Статья 277 УК (посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля), от 12 лет лишения свободы до пожизненного заключения.

11. Владимира Кара-Мурзу-младшего отравили дважды: в 2015 и 2017 годах. Оппозиционер подал в суд на ФБР с требованием рассекретить результаты его токсикологических тестов.

12. В 2018 году издатель «Медиазоны» Петр Верзилов попал в московскую больницу с подозрением на отравление неизвестным веществом. Его вывезли в клинику «Шаритэ». Через год СК отказал в возбуждении уголовного дела.

13. Село под Томском, где Навальный останавливался незадолго до отравления.

14. Журналиста Олега Кашина избили в ноябре 2010 года. Обвинения по этому делу так и не были предъявлены ни исполнителям, ни заказчикам.

15. Редактора газеты «Химкинская правда» Михаила Бекетова избили в ноябре 2008 года. Бекетову провели операцию на мозге, ампутировали правую ногу. В 2013 году скончался во время обследования в больнице. Дело о его избиении так и осталось нераскрытым.

16. Неофициальное название министерства госбезопасности ГДР. В 1989 году в «штази» работали более 91 тысячи человек, еще 173 тысячи были неофициальными информаторами — при том, что всего в ГДР жили 16 млн человек. Считалась одной из самых эффективных контрразведок из когда-либо существовавших.

17. «Карту поляка» может получить любой, кто заявит о своей принадлежности к польскому народу и будет соответствовать некоторым условиям. За последние десять лет карту поляка получили больше 250 тысяч человек, в том числе 125 тысяч граждан Беларуси.

18. Журналист Александр Плющев в своем телеграм-канале предлагал выдвинуть Юлию Навальную на выборах президента.

19. Мужа Светланы Тихановской Сергея арестовали накануне выборов президента, то же произошло с Виктором Бабарико. Еще один кандидат, Валерий Цепкало, уехал из страны.

20. В 2018 Сергей Фургал неожиданно победил провластного кандидата на выборах губернатора Хабаровского края. Летом 2020-го Фургала арестовали, сейчас он в СИЗО в Москве.

21. В 2018 году Владимир Сипягин победил предыдущего губернатора Владимирской области Светлану Орлову, которую поддерживал Кремль.
22. Молодой член КПРФ Валентин Коновалов во время протестного голосования в 2018 году стал главой Хакасии.
23. Организация по запрещению химического оружия.
24. Пятипроцентный барьер в 1999 году преодолели «Яблоко» и СПС, последняя шла в Думу под лозунгами поддержки Владимира Путина. Полномочия того созыва кончились в 2003 году, «Яблоко» с тех пор не получило ни одного мандата Госдумы, СПС в 2003-м провел троих депутатов, вступивших в «Единую Россию», а в 2008-м самораспустился.
25. В опубликованной в 2000 году книге «От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным» есть эпизод из детства героя: «Там, на этой лестнице, я раз и навсегда понял, что означает фраза "загнать в угол". В подъезде жили крысы. И мы с друзьями все время гоняли их палками. Один раз я увидел огромную крысу и начал преследование, пока не загнал ее в угол. Бежать ей было некуда. Тогда она развернулась и бросилась на меня. Это было неожиданно и очень страшно. Теперь уже крыса гналась за мной».